

Информация для цитирования:

Бронникова О. В. Доминанты репрезентации времени в произведении А. Неркаги «Белый Ягель» / О. В. Бронникова, А. С. Головко, О. Б. Ульянова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 32—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-32-50.

Bronnikova, O. V., Golovko, A. S., Ulyanova, O. B. (2026). Dominants of Time Representation in A. Nerkagi's Novel "White Lichen". *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 32-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-32-50. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Доминанты репрезентации
времени в произведении
А. Неркаги «Белый Ягель»**

Бронникова Ольга Васильевна
orcid.org/0000-0002-8082-4733
кандидат филологических наук,
кафедра прикладной
и теоретической лингвистики
o.v.bronnikova@utmn.ru

Головко Анна Сергеевна
orcid.org/0009-0008-8171-5791
кандидат филологических наук,
кафедра прикладной
и теоретической лингвистики,
корреспондирующий автор
a.s.golovko@utmn.ru

Ульянова Ольга Борисовна
orcid.org/0000-0002-7005-0295
кандидат филологических наук,
кафедра прикладной
и теоретической лингвистики
o.b.ulyanova@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

**Dominants of Time
Representation
in A. Nerkagi's Novel
"White Lichen"**

Olga V. Bronnikova
orcid.org/0000-0002-8082-4733
PhD in Philology,
Department of Applied
and Theoretical Linguistics
o.v.bronnikova@utmn.ru

Anna S. Golovko
orcid.org/0009-0008-8171-5791
PhD in Philology,
Department of Applied
and Theoretical Linguistics,
corresponding author
a.s.golovko@utmn.ru

Olga B. Ulyanova
orcid.org/0000-0002-7005-0295
PhD in Philology, Department of Applied
and Theoretical Linguistics
o.b.ulyanova@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются доминанты репрезентации времени в этнокультурном контексте произведения Анны Неркаги «Белый ягель». Актуальность исследования определяется тем, что лексико-грамматический инструментарий формирует этнически обусловленное представление о времени как категории внешнего жизненного пространства и внутреннего состояния человека тундры. Трансформация темпоральной лексической семантики приводит к денотативной онтологизации времени посредством номинативной единицы *жизнь* и предикативных элементов *быть* и *жить*, а также созданию образных аналогий между миром природы и человеком севера. Изменение грамматической семантики происходит не столько на уровне видовременных форм, сколько преимущественно через ситуационный контекст. Прошедшее время описывает опыт и поведение, размышления и переживания северного человека, используется для изображения действий и событий в динамической перспективе представления внешнего мира. Настоящее время отражает знакомый мир, создавая иллюзию видения или правды жизни. Будущее время формирует внутренний мир героев и определяет путь, подсказанный предками. В произведении «Белый ягель» находим пересечение временных векторов: грамматические формы настоящего и будущего времени, используемые в контексте прошедшего, представляют действия как реальные.

Ключевые слова:

этноспецифический вектор; художественное восприятие времени; доминанта; категория времени; Анна Неркаги.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study identifies the dominant strategies of time representation within the ethnocultural context of Anna Nerkagi's novel "White Lichen". The relevance of this research stems from the fact that the lexical and grammatical tools employed in the narrative construct an ethnically specific perception of time, conceptualized both as an external life space and as an internal state of the tundra dweller. The transformation of temporal lexical semantics leads to the denotative ontologization of time through the nominative unit *life* and predicative elements such as *to be* and *to live*, as well as to the creation of figurative analogies between the natural world and the northern human being. Changes in grammatical semantics occur not so much at the level of aspect-tense forms, but primarily through situational context. The past tense is used to describe the experience, behavior, reflections, and emotions of the northern individual, serving to depict actions and events within a dynamic perspective of the external world. The present tense reflects the familiar world, creating an illusion of vision or life's truth. The future tense shapes the inner world of the characters and determines the path guided by ancestral wisdom. In "White Lichen", we observe an intersection of temporal vectors: grammatical forms of the present and future tenses, when used in a past context, represent actions as real.

Key words:

ethnospecific vector; artistic perception of time; dominant; category of time; Anna Nerkagi.

УДК 821.161.1Неркаги.07(571.121)+81'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-32-50

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Доминанты репрезентации времени в произведении А. Неркаги «Белый Ягель»

© Бронникова О. В., Головки А. С., Ульянова О. Б., 2026

1. Введение = Introduction

Этноспецифический вектор исследования культурных доминант приводит нас к изучению вопроса восприятия категории времени в художественном пространстве произведения «Белый ягель» северной писательницы Анны Неркаги [Неркаги, 1996, с. 11—112]. По словам К. Я. Лагунова, никто не поведал миру о ненцах лучше, чем А. Неркаги — «истинная дочь Тундры... с ее курящимися дымками чумами и будто летящими в белом мареве оленьими упряжками...» [Лагунов, 1996]. «Белый ягель» воссоздает «небольшую по числу, но великолепно-яркую, запоминающуюся галерею отменных образов хозяев тундры...» [Там же]. Неркаги родилась в чуме в горах Полярного Урала, у подножия хребта Сайрей в ягельных долинах. В своих произведениях она размышляет о судьбе своего народа и о судьбе человечества, описывает повседневную жизнь, обычаи и ритуалы. В центре бытия ненца находятся атрибуты кочевой жизни (чум, огонь, стол, олень, нарты). В традиционном ненецком обществе строгое разделение обязанностей: мужчина занимает лидирующую позицию, а женщина играет ключевую роль в организации уклада жизни [Дрожащих, 2021, с. 84—85]. Она ухаживает за мужчиной и чумом, смотрит за огнем, может разговаривать с ним и вопрошать к нему как к божеству, понимая его ценность, а мужчина — охотится, защищает семью, разводит оленей, чинит нарты. Оставшись без женщины, мужчина становится беспомощным и отвергнутым обществом. Используя временные рамки одного чумовья, Неркаги показывает изменчивость мира, процессуальный характер его существования, повествуя о ненужных стариках и неблагодарной дочери, о сыне, который грезил своей прошлой привязанностью, но в настоящем вынужден жениться без любви по настоянию его пожилой матери, мечтающей о счастливой традиционной жизни для сына в будущем. У каждого

героя своя правда и своя душевная боль, и лишь время, не подвластное человеку, создает непрерывный цикл бытия, в котором есть не только вещи, но и события. Универсальные образы создают своеобразную авторскую вселенную. Линия времени, которая связывает настоящее, прошлое и будущее через вековые традиции, становится константой, осуществляющей связь между поколениями в условиях современной цивилизации. Человеческое сознание и язык, взаимодействуя через призму этнокультуры, создают новые оттенки интерпретации категории времени, формируя определенные особенности восприятия, характерные для того или иного ареала. Предметом данной статьи выступают языковые единицы, вербализующие представление о времени в произведении «Белый ягель». Цель статьи — выявить доминанты репрезентации времени на материале произведения А. Неркаги «Белый ягель». Предполагаем, что единицы, вербализующие представления о времени, охватывают как поверхностные лексические и функциональные элементы текста, так и внутренние цепочки смыслов, порождаемые семантическими модуляциями и переходами в денотативном содержании таксонов времени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование посвящено интерпретации семантического пространства художественного текста, которое способно заключать в себе, хранить и передавать концентрированную информацию — результат авторского выбора, обусловленного уникальным социокультурным опытом писателя. Методологическая база сочетает семантический, когнитивный и прагматический подходы к комплексному исследованию художественного текста. Изучаются лексика, функциональные элементы текста, внутренние цепочки смыслов, которые структурируются (в том числе за счет метафорических моделей) и способствуют выявлению культурных (этноспецифических) доминант [Коннова, 2024].

Лингвисты давно занимаются разработкой и осмыслением образа времени и способов его концептуализации [Демина, 2024; Огнева и др., 2025; Эртнер, 2022], изучают темпоральные номинации с точки зрения морфологии, семантики, прагматики [Коннова, 2019; Коннова, 2024; Малинская, 2025].

В литературном произведении время формирует вокруг себя ряд онтологических и аксиологических признаков и указывает на синкретизм или фрагментарность художественного сознания. Многогранная семантика времени в рамках отдельного художественного произведения представляет собой объемную многомерную реляционную категорию, объединяющую объективное, субъективное, воспринимаемое и индивидуальное время,

оно может иметь множество точек отсчета и упорядочивать события художественного текста во временном континууме несколькими способами [Усманов, 2024].

Время — это способ и результат интерпретации действительности [Бронникова, 2017]. В свою очередь, художественное время рассматривается как форма бытия идеального мира, а средства моделирования временных отношений в произведении выступают формой познания мира и включают элементы различных уровней, а именно: композицию произведения, лексико-грамматическое оформление, образы, актуализируемые в семантических переходах в единицах лексической, грамматической и текстовой семантики.

В рамках изучения литературы северных народов следует отметить ряд релевантных работ. О. К. Лагунова пишет о феномене творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Д. Айпин, Ю. К. Вэлла, А. П. Неркаги) и художественной целостности их прозаических текстов [Лагунова, 2007; Лагунова и др., 2018]. Н. Ю. Третьякова изучает элементы идиостиля языковой личности А. П. Неркаги [Третьякова, 2010]. В монографии «Человек Севера в поликультурном и переводческом пространстве: творческое наследие Анны Неркаги» проанализирована авторская художественная концепция этнической и культурной идентичности северных народов [Человек ..., 2021]. Ученые отмечают, что рецепция прошлого, настоящего и будущего создает физическую наполненность горизонтали изображением событий как звеньев родовой цепи, важных для судьбы всего рода [Лагунова и др., 2018].

В настоящем исследовании акцент делается на выявлении противоречий между экспликацией и имплицитным содержанием категории времени в авторском каркасе художественного произведения «У каждого времени свое лицо ... и своя правда» [Неркаги, 1996, с. 13]. Методология комплексного исследования включает ряд методов. Элементы корпусного анализа текста (онлайн инструмент istio.com) позволили выявить наиболее частотные темпоральные единицы и их синтагматические характеристики, а также видовременные формы, образующие функциональное поле времени. Контекстуальный анализ отобранных единиц послужил для верификации временной семантики и определения доминантного временного пласта на лексическом и грамматическом уровнях. Собранные текстовые данные послужили материалом для анализа когнитивных метафорических моделей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Прежде всего, в художественном произведении «Белый ягель» темпоральные образы создаются на лексическом уровне посредством реализации

денотативного значения имен существительных с временной семантикой, наречий и предлогов времени, прилагательных и глаголов с темпоральной семантикой, которые относятся к лексическим средствам выражения темпорального дейксиса.

Среди именных номинаций темпоральной семантики: *жизнь* (185), *время* (75), *ночь* (51), *год* (45), *утро* (30), *день* (26), *пора* (23), *осень* (16), *весна* (13), *зима* (13), *лето* (13), *час* (11), *век* (9), *вечер* (9), *минута* (7), *прошлое* (7), *мгновение* (6), *месяц* (5), *былое* (4), *миг* (3), *вечность* (2), *вчера* (2), *момент* (2), *давность* (1), *древность* (1), *секунда* (1), *срок* (1), доминантой является *жизнь* героев, которая и подразумевает онтологическое время (*время* — вторая по частотности предметная номинация). Некоторые номинации времени не соотносятся с определенным количественным отрезком, они абстрактны (*пора*, *мгновение*, *былое*, *миг*, *вечность*, *момент*, *прошлое*, *давность*, *древность*, *срок*), а другие выражают конкретное предметное отношение (объективные показатели времени: *год*, *месяц*, *день*, *вчера*, *час*, *минута*, *секунда*; время суток: *ночь*, *утро*, *вечер*, *день*, времена года: *осень*, *весна*, *зима*, *лето*). Несмотря на категориальное отличие, они все задают внутренние (духовные — *Один миг трусости, немного хитрости с самим собой — любовь мертва* [Неркаги, 1996, с. 16]) и внешние (материальные — *Он отставил от себя пустую чашку, хотел откинуться на подушки и опять почувствовал себя как ночью* [Там же, с. 30]) аспекты описания жизни и отсылают читателя к пласту прошлого (*прошлое*, *былое*, *вчера*, *давность*, *древность*).

В произведении «Белый ягель» можно встретить имена существительные, не называющие непосредственно время, а указывающие на возрастной период человека на протяжении его жизни (этапы жизни): *детство*, *молодость*, *зрелость*, *старость* и *смерть* как конечную точку жизненного пути. Более того, герои произведения относятся к разным поколениям (Алешка, Пэтко, Вану, Хасава). Так, *детство* в контексте произведения находится на шкале положительной оценки (*В детстве ...любил...* [Там же, с. 60]), оно ассоциируется с замедленностью (*братья засыпали, мать медлила*), тишиной (*еле слышимые звуки, шорохи сливались*), лаской (*будто журчал ласковый ручей*). Молодость для героев мимолетна и уподобляется цветку, который цветет *час*, *минуту* (*...в хороший день под лучами солнца воспрянет, засияет, но так прекрасно молод он уже не будет* [Там же, с. 64—65]), это пора любви (*в молодости ... любовь становится властительницей души* [Там же, с. 64]).

Зрелость героев — это сила тела и духа (*Он шёл и чувствовал силу своих шагов. ... Так входит мужчина в пору своей зрелости* [Неркаги, 1996, с. 112].), а старость, прежде всего, — это *не возраст тела* (не дряхлость

тела, не бессилие рук и ног, не ноющие по ночам суставы и согнутая спина), а мудрость души [Там же, с. 48]. Смерть представляется немцам моментом освобождения (*поближе к смерти, освободить жизнь от лишней вещей ... Не только вещей, а может, и желаний, замыслов, ... — уйти таким же чистым, как пришёл* [Там же, с. 98]).

Среди признаков единиц выделяются прилагательные: *старый* (32), *длинный* (20), *долгий* (14), *давний* (11), *вечный* (9), *старинный* (6), *прожитый* (5), *теперешний* (3), *вековой* (2), *вчерашний* (2), *вековечный* (1), *нынешний* (1), *прошлогодний* (1), *прошлый* (1), *сегодняшний* (1) — и наречия: *сейчас* (66), *теперь* (57), *всегда* (39), *снова* (35), *никогда* (34), *долго* (33), *быстро* (28), *потом* (25), *давно* (22), *сегодня* (21), *иногда* (15), *медленно* (13), *часто* (11), *завтра* (7), *недолго* (5), *однажды* (5), *на мгновение* (4), *неожиданно* (4), *рано* (4), *навсегда* (3), *рановато* (3), *время от времени* (2), *вчера* (2), *испокон* (2), *недавно* (2), *ненадолго* (2), *отныне* (2), *в старину* (1), *вечно* (1), *вмиг* (1), *вовремя* (1), *давеча* (1), *долго* (1), *мгновенно* (1), *навек* (2), *надолго* (1), *навечно* (1), *назавтра* (1), *некогда* (1), *немедленно* (1), *поздно* (1), *послезавтра* (1), *со временем* (1), среди которых можно выявить единицы антонимичной семантики. Следовательно, доминантами признакового уровня являются прилагательное *старый* и наречия *сейчас / теперь*, что указывает на двойственное восприятие времени: с одной стороны, немцы живут настоящим, а с другой стороны, ценят и уважают прошлое (*старые люди, старые птицы, старые слова, старые вещи, старые шесты, старые немцы, старый «совет», старые деревья, старый друг*).

В контексте произведения среди предикативных элементов: *быть* (в прошедшем времени 102), *жить* (41), *прожить* (21), *уходить* (18), *начаться* (14), *торопиться* (11), *вспоминаться* (7), *проходить* (7), *стоять* (5), *дождаться* (4), *приходить* (4), *наступить* (3), *состариться* (3), *длиться* (2), *истлеть* (2), *оборваться* (2), *вечереть* (1), *встречать* (1), *выждать* (1), *играть* (о времени 1), *продлить* (1), *суетиться* (1), а также причастия *ушедший* (3), *прошедший* (1), доминантными выступают глаголы *быть* и *жить*. Семантика глаголов неоднородна и охватывает начало (*начаться, встречать*) и конец действия (*прожить, проходить, истлеть, оборваться*), длительность действия или состояния (*стоять, длиться, продлить*), результат действия (*дождаться, состариться, вечереть*), скорость совершения действия (*торопиться, суетиться*).

Кроме того, необходимо отметить наличие предлогов, указывающих на время и отражающих динамику действий (*по ранней весне, по утрам, в ночи, с каждым днем, во все ночи лета*), изменчивость событий, действий или состояний (*через час, через год, через десять лет, после*) и процессуальность (*без жизни, с минутой*).

Анализ лексического материала указывает на то, что наиболее частотные лексемы смещают фокус с денотативно-прямых на денотативно-переносные номинации времени таким образом, что доминанта художественного времени произведения «Белый ягель» на лексическом уровне реализуется посредством бытийного времени через номинацию *жизнь* и предикации — *быть* и *жить*, выстраивая антропоморфные координаты через антонимичные признаки *старый* и *сейчас* и образные представления о жизни и ее этапах.

Описание доминант восприятия времени включает также аксиологические смыслы и метафорические образы, которые рождаются у ненцев в связи с синтезом объективных представлений и субъективных ощущений и опыта. Категория оценки темпоральных контекстов указывает на то, что ненцы достаточно позитивно представляют себе гипотетические — желательные — ситуации (*Он хотел, чтобы это было всегда. На всю жизнь. И днём, и утром, и ночью. И не так, как сейчас, а навсегда* [Неркаги, 1996, с. 64]), тогда как реальная жизнь — не такая привлекательная, в ней прошлое оказывается *темным* и *кровавым*, а час — *черным* и *страшным*.

Смежность темпоральной семантики и жизни человека объясняет антропоцентрические представления ненцев о времени. Антропоморфные предикаты сочетаются с единицами темпоральной семантики: *прийти* (*осень, время*), *наступить* (*ночь, осень, час*), *встречать* (*утро*), *играть* (*о времени*), *стоять* (*дни и годы*), данные темпоральные единицы связаны с атрибутами человека (*лицо времени, дни идут, бег жизни, время пройдет, прошли те времена, много дней и лет пройдет, спит его прошлое, семь лет — семь надежд, поссориться со временем, не с кем встречать утро и солнце, не дожждаться ... желанной осени, ужасное лицо прошедшего дня, лето прошло, время оденет*).

Близость ненцев к природе предопределяет природоморфные метафорические образы. Метафорический перенос СТАРОСТЬ — ОСЕНЬ изображает человеческий возраст в терминах природы: *Глубокая пора осени чем-то походит на старость* [Неркаги, 1996, с. 104], где увядание человека ассоциируется с увяданием природы: ... *листья желтели старостью* [Там же, с. 17]. Традиционное представление о жизни через стихию воды реализуется у ненцев в метафорической модели ЖИЗНЬ — РЕКА (... *давать жизни течение, чтобы она не расплылась и не засохла, как весенняя лужа, а текла бы рекой, сохраняя при этом свои берега и бег* [Там же, с. 18]). Река, будучи неотъемлемой частью жизни, источником воды, пищи, неисчерпаемой энергии, представляется человеку тундры самой жизнью, указывая на их слияние, которое проявляется в постоянном течении, изменчивости и способности к адаптации. На уровне текста это

создается через высокую концентрацию лексических единиц, характеризующих как реку, так и жизнь человека. В авторском контексте возникает пересечение атрибутов времени и пространства через когнитивную метафору ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ — НЕБО (*Смотреть в небо — всё равно, что пытаться увидеть что-то в дне завтрашнем* [Там же, с. 23]), где метафорический перенос актуализируется через сенсорные предикаты (*смотреть, увидеть*), создавая аналогию между тем, что таит в себе небо и неизведанное будущее.

Обращение ненцев к прошлому приводит к метафорическому пересечению ПРОШЛОЕ — ДОРОГА. Кочевая жизнь, однажды начавшись, как и прошлое, не имеет конца: ... *пошёл старик в странную дорогу: в прошлое, чтоб судить себя* [Там же, с. 36]; ... *путь у него один — в прошлое, а эта дорога такая, сколько ни ездил, ей нет конца* [Неркаги, 1996, с. 33], а служит ориентиром для будущего. Прошлое хранит в себе воспоминания, опыт и события, то есть ПРОШЛОЕ — ВМЕСТИЛИЩЕ: *Иногда в него страшно и жутко входить, как в могилу, а порой радостно* [Неркаги, 1996, с. 36]; *Побывав в своём прошлом ...* [Там же, с. 39]. Метафорическая модель ПРОШЛОЕ — ПРЕДМЕТ актуализируется через номинативные конструкции с отрицательной коннотацией: *На них лежит тяжесть прошлого* [Неркаги, 1996, с. 18]. Однако этот контекст может сглаживаться противопоставлением образов обиды и святыни, которые кодируют двойственное восприятие прошлого: ... *кто-то вынет давнюю залежалую обиду и бросит камнем в спину, а кто-то, словно святыню ... достанет из-под толщи годов когда-то принятую радость и вернёт жалостью или чашкой горячего чая* [Там же, с. 35—36].

В отличие от пережитого прошлого, ночь видится ненцам чем-то неизвестным и представляется синкретичной пространству: *Год назад ушла в вечную ночь его жена, не совсем старая женщина Ламдо* [Там же, с. 12]; *Уходили из жизни остатки, последние крохи его счастья, и все по одной дороге, в сторону вечной ночи* [Там же, с. 24]). Уход из жизни воспринимается как передвижение в пространстве, где конечной точкой является вечная ночь: используются глаголы движения (*ушла, уходили*) в форме прошедшего времени и ориентационный предлог (*в*). Мы видим аналогию между природным циклом (полярной ночью) и точкой в пространстве, откуда вернуться нельзя. Уходить в ночь могут как люди (НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — СМЕРТЬ), так и атрибуты жизни, которые будут безвозвратно утрачены (НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — КОНЕЦ).

Таким образом, человек и окружающее его пространство становятся источником формирования метафорических переносов, выдвигающих на первый план антропоморфные и природоморфные метафоры. Антропос-

фера создает человекоподобный образ времени, который, подобно человеку, обладает физическими характеристиками, испытывает широкий спектр эмоций и по-разному осуществляет взаимодействие с миром. Природные номинации активируют метафорические модели времени через сферу-источник: время года (осень), стихия (вода / река, воздух / небо), пространство (дорога, вместилище, предмет, пространство), где ассоциативные компоненты привносят негативные импликации (увядания, неизвестности, бремени).

С логикой повествования связаны также грамматические средства передачи бытийности и событийности времени, которые используются автором, чтобы представить размышления и мысли героев и становятся проводником мнения самого автора произведения. Видовременные формы являются источником категориальных смыслов в выражении временных отношений. Категориальные грамматические значения форм времени реализуются во взаимодействии с контекстом и речевой ситуацией [Русская грамматика ..., 1989, с. 628]. Таким образом, выделяемые ниже типы временных контекстов передают темпоральную семантику целого высказывания, в котором глагольная форма, в том числе и некая связка, является доминантой смысла.

Выстраивая нарратив, Неркаги обращается к прошедшему времени, которое является доминантным прототипическим средством развертывания сюжета, имеет характер универсалии и субъективно восполняет семантику настоящего или будущего, тем самым укрепляя логику повествования.

В произведении «Белый ягель» автор ограничивается использованием основных форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, избегая экспрессивные формы прошедшего времени, противоречащие внутреннему миру нецгов. Герои Неркаги много думают и мало говорят, тщательно подбирая слова для внутреннего монолога с самими собой и окружающими их людьми. Прошедшее время несовершенного вида относит длившиеся или повторяющиеся действия к пласту прошлого, не связанного с настоящим. В повествовании вектор прошлого не отражает последовательность событий, а живописно предстает в их развертывании без указания на какой-либо результат, изображая действительность в одной плоскости: ... *не сразу ответил ... сидел, ... слышался ... ни дети, ни взрослые не любили ее криков, ... она вдруг начинала ныть и тяготить душу* [Неркаги, 1996, с. 28]. Вану не торопится с ответом на вопрос и размышляет, а употребляемые видовременные формы становятся средством описания ситуации и мыслей героя. Формы прошедшего времени совершенного вида в хронологической последовательности создают смену следующих друг за другом событий, действий и их результатов (*Вану ...*

постоял ..., покачал головой, подошёл ... и вытащил ..., сложил вдвое, намотал на кулак [Там же, с. 59]), развертывают сюжетную линию и приближают к развязке, создавая динамизм повествования.

Формы настоящего и будущего, вклиниваясь в пласт прошедшего времени, метафорически создают темпоральную многомерность художественного дискурса, передавая контекстуально подвижные и разнообразные, субъективно изменчивые оттенки [Виноградов, 1986]. Употребление форм настоящего времени в значении прошлого основано на том, что настоящее может актуализовать действия, представлять их реальными [Равевская, 1973] через описание, обобщение, эмотивность и вневременность семантики всего высказывания.

В канве повествования формы настоящего описательного создают иллюзию видения, придают образность и живость рассказу о прошлом (*... как девчонка на побегушках ... подобно юркой мыши, носится с поручениями* [Неркаги, 1996, с. 14]), как будто оно разворачивается перед глазами читателя, при этом совмещаются разные временные системы — персонажей, автора и читателя. В рамках настоящего описательного можно выделить: 1) описание обстановки: *... было тихо ... он воочию представил, как сидят по обе стороны от огня две женщины* [Там же, с. 53]; 2) описание природы: *... от которого идёт огонь золотой, редкостный по цвету* [Там же, с. 32]; 3) описание ситуации / жизни, которое выполняет функцию экспозиции, введения перед основной мыслью: *Скаредничают люди около огней. Варят ... сытные котлы* [Там же, с. 20]; *... мать застилает ... постель* [Там же, с. 21]; *А сейчас то и дело слышишь: ... подвязывается чем попало ... сидит в чуме и про него говорят ...* [Там же, с. 57]; *Непосильный груз тащит он в сердце из года в год* [Там же, с. 19]; 4) возвращение к прошлому через описание момента из прошлого: *Будучи мальчиком, он во время кочевания оставался один ... и долго смотрел, как они скрываются, уплзают дальше и дальше...* [Там же, с. 34].

Обращаясь к *настоящему обобщающему*, А. Неркаги дает комментарий к событиям из прошлого: *Были и упавшие лицом вниз, охватившие руками землю, и на четвереньках стояли. Смерть на позы щедра* [Там же, с. 47]. Именно нулевая связка в данных фрагментах указывает на обобщающий характер высказывания.

Настоящее эмотивное ассоциируется с намерением совершить действие под влиянием эмоций или с потенциальной возможностью будущего действия: *Он знает, куда поедет. Он должен поехать. В такую дорогу человек едет лишь раз в жизни* [Там же, с. 42]. Данный тип настоящего несет семантику размышления и вовлекает читателя в переживания героев, передавая эмоциональное напряжение: *Бывает, хочется спрятать себя и*

душу ... как делает, спасаясь от опасности, маленькое испуганное животное. А чем отличается он сейчас от мыши или ещё бескрылой птицы? Ничем. Он так же растерян и в панике, он загнан [Там же, с. 41—42]; ... но сейчас, когда он не такой, как они, кто они ему? Видимо, и вправду есть особое время. Время принятия и возвращения долгов [Там же, с. 35]; Тоска заливаает душу, и он плачет на берегу жизни совсем как гагара [Там же, с. 28]; в молчании же есть особая нежность и страдание [Там же, с. 15]; И потом ... кто сказал, что человек живёт без своей боли, без тайны души и святого места-уголка, куда не пускают и избранных. И почему он сейчас должен вырвать из себя дорогие мысли и чувства... Зачем отдавать их на суд человеку? [Там же, с. 19]. В выделенных примерах настоящее эмотивное реализуется посредством эмотивной лексики (субстантивные номинации эмоций, признаковые эмотивные элементы, эмотивные предикаты) и риторических вопросительных конструкций. Не столько видовременные формы глагола, сколько контекст помогает вербализовать определенные темпоральные смыслы.

Для актуализации привычных, типичных ситуаций, опыта человека, приобретенного им в жизни, в труде, в общении с другими людьми и при наблюдении за живой и неживой природой, используется вневременное настоящее — «правда жизни». Данный вид настоящего может служить для характеристики следующих сторон действительности: 1) состояние человека: *Хотелось верить, что ... рано ему плакать гагарой. Старость — гроб ... Кости старых людей чувствуют непогоду, а душа — беду ...* [Там же, с. 40]; 2) состояние природы: *Весной её обычно развозит целыми лужами, речками. В посёлок приезжаешь весь мокрый от брызг* [Там же, с. 42]; *... река перестает быть рекой ... в ней умирает течение. Вода гниёт, зеленеет ... берега зарастают жирной тухлой травой* [Там же, с. 39]; 3) быт человека: *у всякого мужчины есть упряжка ... ту, что не боязно запрячь ..., не стыдно показать ...* [Там же, с. 40]; 4) обычаи и поведение: *Таких оленей не рука запрягает у мужчины, а душа* [Там же, с. 41]; *Жизнь — длинное кочевье, и дорогу ... выбирает мужчина* [Там же, с. 31]; *Ненцы никогда не пьют без доброго слова* [Там же, с. 55]; *Только этого не знают ни мужчины, ни дети* [Там же, с. 56]; *Когда тяжело у ненца на душе, он всегда смотрит в глаза своему огню* [Там же, с. 56]; 5) судьбу: *... ненец лишь тяжело вздохнёт и не пошлёт хищнику вслед жестокого проклятия. Судьба то одна у всего живого* [Там же, с. 44]; 6) мудрость народа / предков: *Никогда человек не был сильнее жизни... Одна травинка не делает дуга, одно дерево не лес...* [Там же, с. 42]; *Эти мысли поглотили в нём обиду. Он не прав. Нельзя, съевши свою похлёбку, лезть ложкой в чужой котёл* [Там же, с. 24]; *Одиночество жестоко. А одиночество старо-*

го человека — трагедия времени, его язва. Когда умирает женщина, она уносит с собой половину жизни. Правда жизни та же ... правда жизни одна и суть её прежняя: жить и работать честно. Там, где дети, нет смерти ... мужчина покупает жизнь. Верно, жизнь могуча и сильна, а я перед ней слепой и глухой щенок [Там же, с. 57]. Вневременное настоящее контекстуализируется через предикаты действия и состояния, которые создают момент «здесь и сейчас», оторванный от времени, где человек ощущает единство с окружающим миром.

В повествовании событий прошлого формы настоящего времени оживляют (онтологизируют) их и обеспечивают непрерывную связь между прошлым и будущим.

Формы будущего времени в произведении включены в описания устоявшегося уклада жизни и вековых обычаев, которые сложно изменить, однако функционал этих языковых единиц достаточно широк. Глаголы будущего времени используются для репрезентации внутренней речи героев и выражения их мыслей, догадок или возможностей: *Захотят они — и сироте-старуку ... тепло её огня покажется студёным холодом* [Там же, с. 56]. Герои А. Неркаги размышляют о настоящем: *Вот такие у нас времена: хочешь с теплым огнём человеку в душу войти, а он возьмёт и увидит вместо огня в твоих руках палку* [Там же, с. 20]. Формы будущего времени выполняют функцию предугадывания ситуации, в которой логическим завершением является высокая вероятность совершения действия — уверенность: *Радости соседа не будет конца. За ней он не заметит...* [Там же, с. 38]; ... он знал: ... он всё равно догонит их на своей лёгкой нарточке... [Там же, с. 34]; *Вану был уверен: не будет на земле птичьих гнёзд ... не станет и человеческих* [Там же, с. 28]; ... и собачья смерть не грозит ... старость не согнет спины ... не будет тоски перед смертью. ... Время пройдет, он сам это поймёт... [Там же, с. 22]; *Всё будет хорошо. Зря они, старики и старухи, плачут...* *Дождя не будет, солнце выглянет* [Там же, с. 14]. В формах будущего времени потенциально заложена неуверенность с оттенками предположительной модальности: *Торопливый разговор с Огнём может обернуться горем, а может и счастьем. А кто поможет...* [Там же, с. 31], а также обещание со смещением перспективы в сферу побудительной модальности (через употребление частицы *не*): *Я не уроню слёзы на лицо твоё. Не пожалуюсь, и не прокляну* [Там же, с. 32]. В свою очередь, то, что должно случиться, предопределено чем-то предшествующим и представляет собой определенную предсказуемость — неизбежность, выражается конкретными единичными действиями в будущем: *Сейчас он придет, и на лай собак выглянет жена. Как только он зайдёт, она кинется сначала к огню, подоживит его, потом так же быстро кинется*

к столу и поставит его перед ним. Нальёт ему чаю, сядет покорно и будет ждать, когда он выпьет одну чашку, и тут же нальёт вторую [Там же, с. 53].

В «Белом ягеле» восприятие времени многослойно, каждое состояние влияет на другое. Герои живут воспоминаниями о прошлом, испытывают трудности с настоящим и мысленно выстраивают будущее. Граммемы времени выступают как в прямом, так и в образном значении. Преобладание форм прошедшего времени контекстуально оправданно, потому что оно сочетает воспоминания о прошлом с надеждами на будущее. Настоящее и будущее проживаются через прошлое, а культурно обусловленные грамматические когнитивные модели служат механизмом структурирования действительности.

Грамматической метафорой времени выступает когнитивная модель ПРОШЛОЕ — ЭТО НАСТОЯЩЕЕ, где домен-источник — настоящее — является грамматическим отражением домена-цели — прошлое, что, по сути, актуализирует давно минувшие события, придавая им значимость в настоящем (*Будучи мальчиком, он во время кочевания оставался один ... и долго смотрел, как они скрываются, уползают дальше и дальше...* [Там же, с. 34]). Другая когнитивная модель ПРОШЛОЕ — ЭТО БУДУЩЕЕ, где домен-источник — будущее — создает ментальную картину домена-цели — прошлое, что помогает человеку Севера проживать свои желания и страхи через размышления, а не через реальные действия. Контекст, заданный предикатом прошлого, к примеру, *был уверен (Вану был уверен: не будет на земле птичьих гнёзд ... не станет и человеческих* [Неркаги, 1996, с. 28]), разворачивается посредством транспозиции видовременных форм будущего.

4. Заключение = Conclusions

Исследование темпоральных доминант в произведении «Белый ягель» через интерпретацию языковых средств выражения времени приводит нас к выводу о том, что время тесно вплетено в пространство Севера и неразрывно связано с кочевой жизнью ненцев, их мироощущением. В изучаемом произведении лексемы и граммемы вскрывают неоднородное восприятие времени, где границы между прошлым, настоящим и будущим размыты, однако фокус смещен в сторону прошлого. Языковые единицы отражают не только внешние действия героев, но и их внутренний мир через прямые номинации и переносные смыслы.

Лексический материал указывает, что наиболее частотная лексема *жизнь* ('период существования от рождения до смерти') является доминантой восприятия времени для героев произведения. Для них линейный

процесс становится цикличным: человек на исходе жизни не умирает, а уходит в вечную ночь.

Во многих культурах метафорические образы формируются на пересечении доменов человека и природы, преобразуя временные представления в более конкретные смыслы, однако в произведении А. Неркаги они являются доминирующими. При этом особенностями интерпретации действительности с помощью времени являются такие природные метафорические домены, как РЕКА, ВРЕМЯ ГОДА, ВРЕМЯ СУТОК, ОБЪЕКТЫ ПРИРОДЫ. Модель ЖИЗНЬ — РЕКА иллюстрирует линейность времени, в то время как СТАРОСТЬ — ОСЕНЬ указывает на цикличность. Ночь также является частью природного цикла (НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — СМЕРТЬ, НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — КОНЕЦ) и воспринимается не как конец, а как переход к новой стадии существования. Завтрашний день рассматривается как неизбежное продолжение текущего момента (ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ — НЕБО). Прошлое формирует жизненный путь (ПРОШЛОЕ — ДОРОГА) и помогает накопить опыт (ПРОШЛОЕ — ВМЕСТИЛИЩЕ), что позволяет говорить о прошлом как объекте (ПРОШЛОЕ — ПРЕДМЕТ), который может приобретать то или иное значение в зависимости от ситуации. Эти образы помогают создать многослойное понимание времени как явления, с одной стороны, линейного, а с другой стороны, цикличного, неотделимого от мира природы.

Интерпретация видовременных контекстов указывает на то, что динамичная канва произведения создается преимущественно формами прошедшего времени совершенного вида (*Старики пришли...Алешка посмотрел...мать провела и посадила...* [Неркаги, 1996, с. 15]) — это действия и события во внешнем мире, происходящие вокруг героев, а многомерность временного плана текста создается вкраплениями форм настоящего и будущего времени в контексты прошлого для представления действий как реальных, при этом настоящее время описывает узнаваемый и предсказуемый внешний мир, окружающий героев, а будущее — их внутренние переживания. В свою очередь, формы настоящего времени обеспечивают непрерывность существования между прошлым и будущим. Сочетание воспоминаний о прошлом с надеждами на будущее заставляет героев произведения испытывать трудности с принятием настоящего, создавая напряжение между ностальгией и ожиданием. Синкретизм временных систем персонажей, автора и читателя создает иллюзию постоянного видения и ощущения жизни и поведения при помощи *настоящего описательного* не только через описание обстановки, природы, ситуации / жизни, возвращение к прошлому, а через попытку объяснить эти действия, в частности, прибегая к описанию эмоций (*настоящее эмотивное*).

Автор описывает действия вне временной данности, используя формы *настоящего обобщающего*, а также *вневременного настоящего* для представления типичных ситуаций, поведения, опыта — так называемой правды жизни в отношении *состояния человека или природы, быта, обычаев и поведения, судьбы, мудрости предков*. Посредством форм настоящего с семантикой *размышления* автор вовлекает читателя в события произведения и переживания героев: *Вой голодного волка отличается от песни сытого ... особенно в морозные, тёмные и от этого ещё более жуткие плачи собратьев меньших* [Неркаги, 1996, с. 44].

Формы будущего времени представляют внутренний мир героев через семантику *предположения, догадки / возможности, размышления, уверенности / неуверенности, неизбежности, ритуала, обещания*.

Временные категории у Неркаги пересекаются и проникают друг в друга. Герои интерпретируют настоящие события через призму прошлого опыта, при этом формируя будущее поведение. Грамматические метафорические модели ПРОШЛОЕ — ЭТО НАСТОЯЩЕЕ и ПРОШЛОЕ — ЭТО БУДУЩЕЕ создают цикличность времени, вовлекая восприятие прошлого в более широкий контекст. Именно прошлое становится способом измерения всей жизни героев, в нем сосредоточены значимые события, поэтому моделирование настоящего и будущего через прошлое формирует реальность, замыкая цикл, давая возможность вернуться в точку отсчета.

Таким образом, доминантой репрезентации времени является семантика жизни, внешнего опыта и поведения, внутренних размышлений и переживаний северного человека, актуализируемые в исследуемом произведении. Выделенные темпоральные доминанты предопределены предками и не поддаются изменениям.

В свою очередь, образное формо- и словоупотребление порождает многомерность авторской категории времени и создает множество одновременных координат, пластов и точек отсчета.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	---

Источники и принятые сокращения

1. Неркаги А. П. Молчаний : повести / А. П. Наркаги. — Тюмень : Софтдизайн, 1996. — С. 11—112. — ISBN 5-88709-050-2.
2. Семантический анализ текста istio.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://istio.com/text/analyz> (дата обращения 10.08.2025).

Литература

1. *Бронникова О. В.* Модусный метапонятие ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках : на материале данных национальных корпусов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. В. Бронникова. — Тюмень, 2017. — 344 с.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.
3. *Коннова М. Н.* Метафорическая концептуализация времени в английском языке : аксиологический аспект / М. Н. Коннова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 2. — С. 16—28.
4. *Коннова М. Н.* Метафора времени в стихотворении А. С. Пушкина «Я возмужал среди печальных бурь» : ценностное измерение / М. Н. Коннова // Когнитивные исследования языка. — 2024. — Выпуск 5 (61). — С. 475—479.
5. *Лагунов К. Я.* Открытое письмо ненецкой писательнице Анне Павловне Неркаги. В кн. : Молчаший : повести / К. Я. Лагунов. — Тюмень : Софтдизайн, 1996. — С. 3—6. — ISBN 5-88709-050-2.
6. *Лагунова О. К.* Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) / О. К. Лагунова. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2007. — 258 с. — ISBN 978-5-88081-670-5.
7. *Лагунова О. К.* Художественная целостность прозаического текста онтологического типа последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) / О. К. Лагунова, И. Р. Смирнова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 121—136. — DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136.
8. *Малинская Т. В.* Темпоралема как неизосемический эксплициатор времени в рассказе М. А. Шолохова «Пастух» / Т. В. Малинская // Отечественная филология. — 2025. — № 3. — С. 47—56. — DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-47-56.
9. *Огнева Е. А.* Интерпретативный потенциал текстовых темпоральных когнитивных моделей в диахроническом срезе / Е. А. Огнева, Е. И. Бузина. — Москва : Эдитус, 2025. — 210 с. — ISBN 978-5-00217-513-0.
10. *Раевская Н. Н.* Очерки по стилистической грамматике современного английского языка / Н. Н. Раевская. — Киев : Издательство Киевского университета, 1973. — 142 с.
11. *Третьякова Н. Ю.* Молчание и сравнение как элементы идиостиля языковой личности А. П. Неркаги : на материале повестей «Анико из рода Ного», «Илпир», «Белый Ягель», «Молчаший» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Ю. Третьякова. — Тюмень, 2010. — 222 с.
12. *Усманов Ф.* Ценность — в призме аксиолингвистики и лингвокультурологии / Ф. Усманов // Зарубежная лингвистика и лингводидактика / Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. — Т. 2. — № 6. — С. 210—216. — DOI: 10.47689/2181-3701-iss6-pp210-216.
13. *Человек Севера в поликультурном и переводческом пространстве : творческое наследие Анны Неркаги / Н. В. Дрожжих и др.* — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2021. — 216 с. — ISBN 978-5-400-01658-5.
14. *Эртнер Д. Е.* Этноспецифические коды : метафора и бытовая символизация опредмеченного пространства в повести А. Неркаги «Белый ягель» / Д. Е. Эртнер, О. Б. Ульянова, С. Б. Хабибуллина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 294—311. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311.

15. Demina E. A. Author's techniques of emphasizing temporal characteristics in R. Bradbury's novel "Frost and Fire": A cognitive approach / E. A. Demina // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — Выпуск 10. — С. 3556—3561. — DOI: 10.30853/phil20240502.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 02.04.2026.

Material resources

Nerkagi, A. P. (1996). *Molchashchiy: Povesti*. Tyumen: Softdizayn. 11—112. ISBN 5-88709-050-2. (In Russ.).
Semantic analysis of the text istio.com. Available at: <https://istio.com/text/analyz> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

References

- Bronnikova, O. V. (2017). *The modus meta-concept OF TIME / TIME in Russian and English: based on the data from national corpora*. PhD Diss. Tyumen. 344 p. (In Russ.).
- Demina, E. A. (2024). Author's techniques of emphasizing temporal characteristics in R. Bradbury's novel "Frost and Fire": A cognitive approach. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 17 (10): 3556—3561. DOI: 10.30853/phil20240502. (In Russ.).
- Ertner, D. E., Ulyanova, O. B., Khabibullina, S. B. (2022). Ethno-Specific Codes: Metaphor and Everyday Symbolization of Objectified Space in Anna Nerkagi's Story "The White Moss". *Nauchnyi dialog*, 11 (8): 294—311. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311. (In Russ.).
- Konnova, M. N. (2019). Metaphorical conceptualization of time in English: an axiological aspect. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2: 16—28. (In Russ.).
- Konnova, M. N. (2024). The metaphor of time in A. S. Pushkin's poem "I grew up among sad storms": a value dimension. *Cognitive studies of language*, 5 (61): 475—479. (In Russ.).
- Lagunov, K. Ya. (1996). *An open letter to the Nenets writer Anna Pavlovna Nerkagi. In the book. The Silent One: stories*. Tyumen: Softdesign. 3—6. ISBN 5-88709-050-2. (In Russ.).
- Lagunova, O. (2007). *On the phenomenon of creativity of Russian-speaking Nenets and Khanty writers of the last third of the twentieth century (E. Aipin, Y. Vella, A. Nerkagi)*. Tyumen: Tyumen State University Press. 258 p. ISBN 978-5-88081-670-5. (In Russ.).
- Lagunova, O. K., Smirnova, I. R. (2018). The artistic integrity of the prose text of the ontological type of the last third of the twentieth century (E. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi). *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities*, 4 (1): 121—136. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136. (In Russ.).
- Malinskaya, T. V. (2025). Temporalema as a non-isosemic explicator of time in M. A. Sholokhov's short story "The Shepherd". *Russian philology*, 3: 47—56. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-47-56. (In Russ.).
- Ogneva, E. A., Buzina, E. I. (2025). *Interpretative potential of textual temporal cognitive models in a diachronic context*. Moscow: Editus. 210 p. ISBN 978-5-00217-513-0. (In Russ.).

- Raevskaya, N. N. (1973). *Essays on the stylistic grammar of modern English*. Kiev: Kiev University Press. 142 p. (In Russ.).
- Shivering, N. V., Buzhan, I. A., Ulyanova, O. B. (2021). *The man of the North in the multicultural and translation space: the creative legacy of Anna Nerkaga*. Tyumen: Tyumen State University Press. 216 p. ISBN 978-5-400-01658-5. (In Russ.).
- Tretyakova, N. Y. (2010). *Silence and comparison as elements of the idiosyncrasy of the linguistic personality of A. P. Nerkaga: based on the stories "Aniko from the family", "Ilir", "White Yagel", "Silent"*. PhD Diss. Tyumen. 222 p. (In Russ.).
- Usmanov, F. (2024). Value is in the prism of axiolinguistics and linguoculturology. *Foreign linguistics and linguodidactics / Linguistics and intercultural Communication*, 2 (6): 210—216. DOI: 10.47689/2181-3701-vol2-iss6-pp210-216. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russian language (Grammatical teaching of the word)*. Moscow: Higher School. 640 p. (In Russ.).

*The article was submitted 23.09.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 02.04.2026.*